

УДК 80

АРХЕТИП «ГОЛУБОГО ЦВЕТКА» КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОД

© 2018 г.

А.С. Маркова,¹ Г.И. Мамукина²¹Московский вертолетный завод им. М. Л. Миля, Москва²Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва

mamukina@mail.ru

Поступила в редакцию 16.07.2018

Рассматриваются некоторые аспекты символа «Голубого цветка» в немецкой литературе. Исследуется архетип «Голубого цветка» в немецкоязычной культуре, который является не только художественным образом романа Новалиса и символом романтизма, но имеет древнюю фольклорную и мифическую основу, которая питает его, наполняет дополнительными смыслами. «Голубой цветок» также позволяет по-новому взглянуть на культовый немецкоязычный роман «Парфюмер» П. Зюскинда. Прослеживая историю архетипа «Голубой цветок» и его интерпретацию в различных литературных произведениях, авторы делают вывод, что этот архетип является одним из общенациональных культурных кодов немецкоязычной словесности. Актуальность темы заключается в необходимости исследования парадигмы архетипа «Голубого цветка», которая исторически расширялась благодаря метонимии, вбирая в себя смежные образы и обогащая свое содержание новыми смыслами, определяя, таким образом, немецкую ментальность.

Ключевые слова: архетип, символ, природно-культурный феномен, немецкая мифология, постмодернизм, национальные немецкоязычные коды.

Вера в чудо! Где ты ныне,
Голубой цветок, когда-то
Расцветавший так роскошно
В сердце юном человека!
Генрих Гейне

Голубой цветок, как известно, стал символом немецкого романтизма благодаря роману Новалиса (Фридрих фон Гарденберг) «Генрих фон Офтердинген». Известно также, что источником вдохновения для автора служила картина «Голубой цветок» Фридриха Шведенштайна и роман воспитания «Годы учения Вильгельма Мейстера» Иоганна Вольфганга Гёте.

Однако творение Новалиса не нашло бы столь широкий отклик, не пробудило бы интерес к сновидческим, почти метафизическим открытиям границы иллюзии и реальности, если бы само по себе – в основе своей – не являлось бы продуктом мифического сознания. Настоящей сказкой, которая, как пишет О.В. Смолина, «все проецирует на вечное, на идеальное. У Новалиса сказка вмещает в себя и философию, и поэзию, является формой мышления и моделью для пересоздания мира» [1]. Сверяться с началом (*arche* – греч. начало) было присуще и средневековой культуре, что отмечает, ссылаясь на С.С. Аверинцева, А.Я. Гуревич: «Идея начала имеет для архаического сознания совершенно особый смысл: «начало» <...> не только было, но и как бы продолжает существовать как особый уровень бытия» [2, с. 276–314].

Поэтому сказания, приметы (*Vorzeichen* – нем. предзнаменования), баллады и легенды

играли такую важную роль в фольклоре, подчёркивая вневременность бытия.

Сказания о цветах и травах являются распространённым элементом во многих культурах. Я. Гримм в «Немецкой мифологии», в главе № 37 «Травы и камни», ссылается на Плиния и говорит, что многие травы и цветы получили свои названия от греческих богов, героев и мифических существ, но при этом не потеряли связь с народными поверьями [3].

И, действительно, «Голубой цветок» – это Василёк (лат. *Centaurea cyanus*), получивший, по мнению Н.Ф. Золотницкого, своё научное название благодаря античному мифу о целебном свойстве василькового сока, которым кентавр Хирон исцелил свою рану. Этот цветок тесно связан с фольклором. Автор книги «Цветы в легендах и преданиях» приводит римское сказание о юноше Циане, который так любил собирать цветы синего цвета, что не находил себе покоя, пока на лугу оставался хотя бы один. После внезапной смерти юноши богиня Флора превратила его в василёк. Как пишет автор, «в знак верности и признательности». Н.Ф. Золотницкий также отмечает, что василёк представлял большую важность для германских народов, и даже называет его «эмблемой германского владычества» [4, с. 320].

Исконно германские легенды подтверждают слова ученого. На сайте <http://vbaden.blogspot.com> [5] (перевод с официального сайта г. Гуденсберг: <http://www.gudensberg.de/die-sage-von-der-blauen-blume>) [6] приведена сказка о свинопасе Бреме из города Гуденсберга. Однажды на пастбище он нашёл чудесный голубой цветок, не удержался и украсил им свою шляпу. Как вскоре оказалось, тот цветок стал ключом, открывающим вход в пещеру, полную золота. Набивая карманы и шапку монетами, крестьянин обронил «волшебный ключик» и не заметил этого. На обратном пути он услышал голос: «Не забывай самого ценного!». Но бедного Брема уже обуяла алчность, и он не придавал значения словам. И вдруг те самые незримые для людских глаз железные двери волшебной пещеры, столь приветливо открывшиеся перед ним, захлопнулись за ним со страшной силой, больно прищемив пятки. По другой версии случился обвал, и юноша погиб. В честь этой легенды рядом с ратушей в Гуденсберге установлен фонтан.

Переводчик Новалиса В.Б. Микушевич предполагает, что «Голубой цветок» – это цветок папоротника, заимствованный Новалисом из народных тюрингских поверий [7, с. 512].

Однако в «Немецкой мифологии» папоротник предстаёт как самостоятельный образ. Я. Гримм указывает, что если мужчина наступил на папоротник, то ему следует сменить обувь (женщине – фартук), в противном случае они обречены вечно блуждать, не найдя обратной дороги. Также указывается, что папоротник «цветёт только в полночь Сент-Джона, и этот цветок (*kwiat parosci*) труднодоступен, <...> но тот, кто сорвёт его, становится богатым и может пророчествовать» [3].

Сам же «Голубой цветок» упоминается в «Немецкой мифологии» как нечто самостоятельное и сакральное. Я. Гримм называет его «безымянный чудесный голубой цветок» (*die ungenannte blaue wunderblume*) [3], что подчёркивает его особую роль в немецком мифическом мировосприятии.

Из этого можно сделать вывод, что парадигма архетипа «Голубого цветка» исторически расширялась благодаря метонимии, вбирая в себя смежные образы и обогащая свое содержание новыми смыслами.

Эту мысль подтверждает и сам роман Новалиса, в котором фигурируют и «злато в горшочке», и чудо вечной любви, и реальность, и сон. Богатство и сокровища, делающие людей алчными (в легенде о том, как певцу грозила гибель от рук владельцев судна, и в рассказе добropорядочного рудокопа), противопоставляются

искренним душевным порывам, преданности и любви: «Нет, не клады пробудили во мне столь несказанное влечение, – говорил себе юноша. – Я далек от корысти: по голубому цветку я тоскую, увидеть бы мне только голубой цветок» [8, с. 288]. «Генрих фон Офтердинген» также добавляет древней парадигме бескорыстное, бесконечное стремление к горизонту, к заветной мечте (*die Blaue Blume* – современный нем. фразеологизм «несбыточная мечта») и лирический оттенок, который дарует образу лик возлюбленной.

Анализируя природу символа, А.Ф. Лосев заключает: «"Голубой цветок" для Новалиса становится мифическим символом» [9, с. 80]. И не только для Новалиса. Символ перенимают и трактуют следующие поколения поэтов: Джозеф фон Айхендорф (*Joseph von Eichendorff*), Георг Тракл (*Georg Trakl*), Райнер Мария Рильке (*Rainer Maria Rilke*) и другие. Символ интерпретируется в теоретических работах, становится «прообразом человеческой души» [10] и лозунгом левого студенческого движения: «Сделайте голубой цветок красным», 1968.

Это архетип настолько сильно сроднился с немецкоязычным мифическим сознанием, что проявляет себя даже там, где прямо не упоминается.

Речь идёт о постмодернистском романе Патрика Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы» (*Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders*, 1985).

Стоит заметить, что первая часть названия, *Das Parfum* (в дословном переводе означает «аромат», «запах») – «дух» в контексте сказки [11]. В романе в этом контексте говорится о поиске души. Главный герой, Жан-Батист Гренуй (от фр. *Grenouille* – лягушка), рождается уже без «Божьей искры», которую просвещенное человечество (действие «Парфюмера» разворачивается в эпоху Просвещения) след за Мефистофелем зовёт разумом [12], то есть (в концепции романа) без собственного запаха. Осознав это, он желает эту «искру» создать.

«Парфюмер», как соглашаются исследователи (С.Н. Чумаков, М.В. Никитина, Е.В. Холмогорова и др.), глубоко символичен и содержит множество уровней прочтения. Как постмодернистский роман он вторичен, поэтому мы находим отсылки к другим произведениям – в том числе к Ф. Ницше (Грасская вакханалия почти полностью повторяет отрывок из «Рождения трагедии из духа музыки», когда «на пике счастья рождается самый громкий крик ужаса» [13]), к «Коллекционеру» Д. Фаулза, с которым невольно напрашивается сравнение, к работам К.Г. Юнга.

Однако мы можем утверждать, что важную роль для понимания содержания играет именно

романтическая традиция. Е.В. Холмогорова, анализируя немецкоязычные периодические издания, первыми откликнувшиеся на произведение, приводит мнение М. Райх-Раники, корреспондента «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг», который прямо заявляет, что «автор опирается не на авторов-модернистов (Ф. Кафка, Дж. Джойс), как посчитали некоторые критики, а в большей степени на романтических авторов XIX века» [14, с. 200].

А сердцем романтической традиции, безусловно, является исследуемой нами архетип.

Когда же он впервые проявляет себя в романе? На улице Марэ. Именно там происходит первая в жизни Гренуя встреча с Чудом. П. Зюскинд показывает нам смущение героя, который долго не может поверить, «что столь изысканный аромат мог струиться от человека» [15, с. 304] (здесь и далее цитаты из романа. – А.М., Г.М.), а потом описывает страдания, когда запах исчезает.

Явление Чуда заставляет героя стремиться к воссоединению с ним. В концепции романа это означает найти способ сохранить (присвоить себе) божественный запах. Поэтому убийства девушек для Гренуя сродни сбору урожая цветов.

И за этим кроется не просто аналогия. Зюскинд подчёркивает, как сами люди упростили своё понимание бытия. Если мифическое сознание предполагает его целостность, уважительное отношение к миру и природе, то линейное – упрощённое, бездушное, утилитарное отношение. Цветам в «Немецкой мифологии» посвящена целая глава, а для жителей Грасса они всего лишь расходный материал. Так автор описывает процесс приготовления парфюмерной помады. Цветы бросили в кипящий жир и, «как смертельно испуганные глаза, они всего секунду лежали на поверхности и моментально бледнели, когда их подхватывал шпатель...». Эта процедура проводилась с тысячами цветов, чтобы аромат стал насыщенным. И, в конце концов, «душа целого моря цветов оставалась в котле».

Автор не просто взывает к состраданию читателей, а подчёркивает, что в мире не бывает малого и большого зла, зло есть зло. И творится оно чаще всего не из страха и ненависти, а из-за обыденной гордыни, превратившей человека в «божка вселенной» (И.В. Гёте).

Именно эта гордыня делает таким беззащитным «Голубой цветок» перед современным человеком, не способным увидеть настоящее Чудо, но тяготеющим к чудесам. Что и подтверждается в день несостоявшейся казни Гренуя на площади Грасса.

Герой старается явить себя миру как воплощённый образ «Голубого цветка»: «Он был в голубой куртке, белой рубашке, белых шелковых чулках и черных туфлях с пряжками. Никаких

оков на нем не было. Никто не вел его под руки. Он вышел из кареты как свободный человек. И тогда произошло чудо. Или нечто вроде чуда...».

Но Гренуй терпит полное фиаско.

«Прелестное ничто» (И.В. Гёте) – вот что воплощает собой «двойник» Гренуя. Запах, который находится на парфюмере, лишь маска, внешнее проявление, его подлинный аромат, «не доступный для обоняния, имеет совсем другую природу», и он это осознаёт. А второстепенные герои романа, утратившие чуткость и падкие на сиюминутные аффекты, неспособны разглядеть истинную суть.

Жан-Батист Гренуй, таким образом, воплощает собой худший кошмар художника «сделаться таким искусным ремесленником, когда воодушевление превращается в безрассудство» [8], повторяет историю Циана, юноши из древней легенды, и, так как не способен проявить сострадание, навсегда остаётся «лягушонком», не превратившимся в прекрасного принца [16].

Архетип «Голубой цветок» даёт отсылку внимательному читателю в область коллективного бессознательного, где возможна встреча с истинным чудом. Это подтверждает серьёзную мифологическую и историко-культурную основу германского литературного архетипа. Он представляет собой сложную парадигму и, проявляя себя в литературных произведениях, способствует акцентированию внимания читателей на вечных вопросах немецкоязычной словесности, выраженных в мотивах проклятого золота, потери души и встречи с Чудом. Поэтому авторы данной статьи утверждают, что этот архетип является одним из общенациональных (что само по себе уникально, учитывая разрозненность германских земель) культурных кодов.

Список литературы

1. Смолина О.В. Сказка и сказочность в творчестве Новалиса: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001, 160 с.
2. Гуревич А.Я. Средневековая литература и её современное восприятие. О переводе «Песни о нибелунгах» // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 276–314.
3. Grimm J. Deutsche Mythologie // Drei Lilien Verlag. W., 1992. 1552 S.
4. Золотницкий Н.Ф. Цветы в легендах и преданиях. М.: Дрофа-Плюс, 320 с.
5. <http://vbaden.blogspot.com>.
6. <http://www.gudensberg.de/die-sage-von-der-blauen-blume>.
7. Микушевич В.Б. Голубой цветок и дьявол: Новалис. Генрих фон Офтердинген; Новалис. Гимны к ночи; Новалис. Духовные песни; Бонавентура. Ночные бдения; Гофман Э.-Т.-А. Эликсиры дьявола. М.: Терра – Книжный клуб, 1998. 512 с.

8. Новалис. Генрих фон Офтердинген. М.: Наука, Ладомир, 2003. 288 с.
9. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 320 с.
10. Heinz Ritter-Schaumburg. Der unbekannte Novalis. Friedrich von Hardenberg im Spiegel seiner Dichtung. Sachse & Pohl, Göttingen, 1967.
11. Афанасьев А.Н. Славянская мифология. М.: Эксмо Мидгард, 2008. 1520 с.
12. Гёте И.В. Фауст. М.: Художественная литература, 1960.
13. Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1.
14. Холмогорова Е.В. Поэтическая функция языка в постмодернистском тексте: на примере романа Патрики Зюскинда «Парфюмер»: Дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2010. 200 с.
15. Зюскинд П. Парфюмер: История одного убийцы. СПб.: Азбука-классика, 2006. 304 с.
16. Сказки братьев Grimm. Король-лягушонок, или Железный Генрих [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.grimmstories.com/ru/grimm_skazki/korol_ljagusonok_ili_zeleznyj_genrih

THE ARCHETYPE «BLUE FLOWER» AS A NATIONAL CODE IN THE GERMAN MYTHOLOGICAL CONSCIOUSNESS

A.S. Markova, G.I. Mamukina

The authors consider the archetype «Blue flower» and some aspects of this symbol in German literature. It is argued that in German culture it is not only part of the imagery in the novel by Novalis and a symbol of Romanticism, but it also has an ancient folk and mythical basis, which feeds it and fills with additional meanings. «Blue flower» also allows one to take a fresh look at the German-language cult novel «Perfume: The Story of a Murderer» by P. Suskind. Tracing the history of the «Blue flower» archetype and its interpretation in various literary works, the authors conclude that this archetype is one of the national cultural codes of German literature.

The relevance of the topic is determined by the need to study the paradigm of the «Blue flower» archetype, which historically expanded due to metonymy, absorbing adjacent images and enriching its content with new meanings, thus defining the German mentality.

Keywords: archetype, symbol, natural and cultural phenomenon, German mythology, post-modernism, national German codes.

References

1. Smolina O.V. Skazka i skazochnost' v tvorchestve Novalisa: Dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2001, 160 s.
2. Gurevich A.Ya. Srednevekovaya literatura i eyo sovremennoe vospriyatie. O perevode «Pesni o nibelungah» // Iz istorii kul'tury srednih vekov i Vozrozhdeniya. M., 1976. S. 276–314.
3. Grimm J. Deutsche Mythologie // Drei Lilien Verlag. W., 1992. 1552 S.
4. Zolotnickij N.F. Cveti v legendah i predaniya. M.: Drofa-Plyus, 320 s.
5. <http://vbaden.blogspot.com>.
6. <http://www.gudensberg.de/die-sage-von-der-blauen-blume>).
7. Mikushevich V.B. Goluboj cvetok i d'yavol: Novalis. Genrih fon Ofterdingen; Novalis. Gimny k noch; Novalis. Duhovnye pesni; Bonaventura. Nochnye bdeniya; Gofman Eh.-T.-A. Ehliksiry d'yavola. M.: Terra – Knizhnyj klub, 1998. 512 s.
8. Novalis. Genrih fon Ofterdingen. M.: Nauka, Ladomir, 2003. 288 s.
9. Losev A.F. Dialektika mifa. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. 320 s.
10. Heinz Ritter-Schaumburg. Der unbekannte Novalis. Friedrich von Hardenberg im Spiegel seiner Dichtung. Sachse & Pohl, Göttingen, 1967.
11. Afanas'ev A.N. Slavyanskaya mifologiya. M.: Ehksmo Midgard, 2008. 1520 s.
12. Gyote I.V. Faust. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1960.
13. Nicshe F. Sochineniya: V 2 t. M.: Mysl', 1990. T. 1.
14. Holmogorova E.V. Poeticheskaya funkciya yazyka v postmodernistskom tekste: na primere romana Patrika Zyuskinda «Parfyumer»: Dis. ... kand. filol. nauk. Belgorod, 2010. 200 s.
15. Zyuskind P. Parfyumer: Istoriya odnogo ubijcy. SPb.: Azbuka-klassika, 2006. 304 s.
16. Skazki brat'ev Grimm. Korol'-lyagushonok, ili Zheleznyj Genrih [Ehlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://www.grimmstories.com/ru/grimm_skazki/korol_lja_gusonok_ili_zeleznyj_genrih